

Все стихи я делю на разрешённые
и написанные без разрешения.
Первые — это мразь, вторые —
ворованный воздух.

Мандельштам

18+

Это издание может содержать информацию,
которую российское правосудие может счесть
вредной для несовершеннолетних. Если вы
доверяете российскому правосудию больше,
чем нашему издательству, — не позволяйте
несовершеннолетним знакомиться с этим изда-
нием и сами воздержитесь от знакомства с ним.

В О З Д У Х

Сергей Соловьёв

ЛЮБОВЬ. ЧЕРНОВИКИ

2016

книга семьдесят четвёртая

ББК 84.Р7 – 5

С60

Сергей Соловьёв. Любовь. Черновики: Книга стихов. – М.: Книжное обозрение (АРГО-РИСК), 2016. – 96 с. – Книжный проект журнала «Воздух», вып.74.

Поэт, прозаик. Родился в 1959 г. в Киеве. Учился на филологическом факультете Черновицкого университета и отделении графики Киевской Академии искусств. Шесть лет реставрировал фрески в украинских церквях. Первая книга издана в 1979 г. С середины 1990-х жил в Германии, России, в Крыму, в Индии. Провёл в Москве два сезона литературно-музыкальных вечеров «Речевые ландшафты», выпустил три тома альманаха «Фигуры речи». Автор 13 книг поэзии и поэтической прозы. Короткий список Премии Андрея Белого (2013).

ISBN 978-5-86856-286-0

ББК 84.Р7

Серийная обложка Ильи Баранова.

Просыпайся, Машенька

Подписано в печать 23.07.2016.

Гарнитура Футура. Формат 70х90/32. Тираж 300 экз.

Проект АРГО-РИСК ИД Книжное обозрение

117648 Москва, Сев. Чертанова, 8-833-218.

Типография «Буки-Веди» 115093 Москва, Партийный пер., д.1 к. 58.

† † †

Иллюзионистом он был, а она его преображенной —
то девочкой, то мужиком, то пустотой, то жёнкой.
Загородный дом. Она, например, демон, а он — Сита.
Дымок над крышей. Спальни вкрадчивого реквизита.
В окна льнут какие-то глухонемые, дурманящие сирены,
он оборачивается — и они превращаются в куст сирени.
Мир за окнами не беспокоит их, давно никакого дела
нет до него, да и некому — ни души у них нет, ни тела
как чего-то отдельного и своего. Позу мёбиуса по утрам
они любят, а потом он её расчленяет, к иным мирам
отсылая, и она проступает под ним, хорошея. Такая кама.
И весь день мгновенье ходит за ними с бритвой Оккама.
А по вечерам играют они — кто из них более иллюзорен,
передавая на пальцах душу свою, как нитяные узоры.
И потом всю ночь он в ней носится кошкою на пожаре:
вскрикнув, она изо рта вынимает любовь, как шарик.

† † †

Они жили без конца и начала,
как стихотворный фрагмент.
И улыбались не признающим рифмы
природы, времени, отношений.
Конечно, всё не так предсказуемо,
думал он, восходя взглядом по её шее,
и они сближались, как понятия далековатые,
в раю метафоры приходя в себя.
Кукушкины дети. Діти зозулі,
повторяла она, мы совсем не скучаем...
И цветы разгуливали в восточных халатах,
раскланиваясь при встрече, источая
отрешённое благоволение
без конца и начала,
как фрагмент стихотворный.
Я любил тебя, раздвигая твои колени
речью. Как затворник
дыханьем колеблет свечное пламя.
А ты меня, невыразимая, — как Палама.

† † †

Есть женщины — томные натюрморты:
горшок в драпировках, цветы, мерцание.
А есть — как пуговка у ворота...
Ну это понятно. Не будем к мерцанью
рифму искать. Мы гуляем.
Молочко у цветка этого, как мацони.
В буклях стоит. Ляля.
Да и я, когда не молчу, красив.
Надула губки. Не там, думает, прикусил.
Гуляем мы, никакой последовательности.
Относительно вольно как для черты оседлости
богоизбранных на Руси...
Ну а кто ж они, слова, мысли, движенья
души? Слобожане —
по маме, по крови.
Труд, любовь и погромы.
А ещё есть женщины, как Василий Блаженный —
с лобным местом и мишуткой в сердце.
Василиса блаженная ринпоче.
Прогуливаемся. Никакой ответственности.
Василиса. В цыганской юбке взвинченной до очей.
Мало ли что бывает. В Мюнхене.
А есть женщины, у которых в момент оргазма —
не скажу где —
маленькая скульптура Мухиной
вспыхивает в темноте.
Нет, конечно, о разном думаю я, гуляя в парке.
О Максе Планке, Скловдовской-Кюри, о редкой
птице... Солнце садится, уже не жарко,
облачко надо мной, как детоубийца Гретхен.

† † †

Просыпайся, Машенька,
я тебя вообразил,
вот фамилия твоя — Ничегошенька,
причешу тебя, и пойдём по Руси

на Луну, через море Забвения, через Индию.
У воды присядем, два любовных оттенка,
заскользят, извиваясь, по глади овидии,
и с деревьев задумчивые бианки

будут взглядом их провожать. Ранголи —
души наши, нарисуют их, а к утру стирают.
Я и сам Никтожин. И чего ж нам боле?
Ничегошеньки. Ветераны

плывут по небу, ветераны воображенья.
Кто же ходит меж нами, Машенька,
и ладонью снимает нас как усталость?
Говорит, любовь он. Тихий такой, блаженный.
Видишь, нас уже совсем не осталось.

† † †

Что ж ты, мой хороший, делаешь со мною,
я же не интеллигильное, мой защем
чуть приоткрыт для тебя и пахнет рециной,
а волосы — лебедю,
зачем ты меня верифицируешь
к непростым, как ты говоришь, простым вещам?

Не надо. В голове моей солнечный зайчик,
но источник его — в будущем,
а зеркальце — в прошлых жизнях потеряно.
У меня в сосочках, как под куполом, два Мазаччо
работают. Люб ты мне. И у тебя не буднично
между ног, да и сердце певчее, как глухая тетеря.

† † †

Были бы мы моллюсками или головоногими.
Всё ведь возможно — для Него, а стало быть —
для тебя, меня. Я бы тебе на дне сочинял эклоги
бисером световым, а ты бы им рот полоскала
и сплёвывала в Марианскую впадину. И шумело
в ушах слегка — в одном шумеры, в другом этруски.
Чуть в стороне от себя мы бы встречались, телом
колеблясь, и дарили любовь как моллюск моллюску.
Ну, как водится тут — путём искусства: чуть в стороне —
полупрозрачный экран, на который мы интонации,
интенции наши экстраполируем в медленном танце,
плавая и зависая, как без одной двенадцать, и экран
вспыхивает узорами, мирами переливается: вода
и дух... И расплываются дети и демоны — кто куда.
Ты меняла бы платья одним движеньем желанья,
а я движеньем одним умирал в тебе и воскресал.
И однажды мы всем народом, как в зал ожидания,
поднялись на поверхность, и белая мутная полоса
в лунном свете колыхалась бы до горизонта. Земля
обетованная... Только мы бы с тобою остались на дне,
в нашей тьме световой, да, любовь моя, немовля?

† † †

Человек, она говорит, — проходной двор.
Жизнь принудительного свечения.
Вся история — становленье программы Ворд,
вскоре снесённой — по умолчанию.
Сердце моё, приправленное цветком,
она берёт лёгким длинным движением
и запивает одним глотком
воздуха. Вегетативное размноженье
у душ, говорит, знаешь? А мы порхаем,
их переносчики. На крыло
ложится и, исчезая: но
это ведь не про нас, да, архангел?

Вот вишу, думаю,
как последний комар звеню,
сам себе край света:
может, создать семью —
например, в Умани,
с этой...

† † †

Ах как была она обнажена —
как нож нежна и пахла как жена —
землёй и белой яблоней, и кровью.
Что женщина? — он брал её, как Трюю,
древесный конь, с колёс, лес-ахиллес.
Легла как тьма. Скользил отвес
луча по непрогляди вод безбожных
и пяточкой писал: «возможно —
всё», переминаясь на мысок,
и свет ко дну струился, как песок,
рисую мир мутящихся героев...
Слепец — кому открыта Троя.

† † †

На выпавшую челюсть того света
похожа Мальта.
Куда ж нам плыть?
Я так любил встречать в тебе рассветы,
и та ложбиночка сфумато...
Забывать?

Любовь похожа на якута —
его объятья
с индусом.
А мы с тобой — на дон Кихота.
Она поедет на осляти,
да, Дуся?

† † †

Она одевается в даль морскую
и носит облачко набекрень.

Он называет её Семь пятниц, любя восьмую
с воскресеньем меж ног, а глаза — сирень.

Он бы и по очереди любил их, вор и
шапка. Но лучше маленькую, вон ту, одну б,
на цыпочках тянущуюся к нему, притвору,
с чуть выгнутым понедельничком губ.

Или эту, с певчим сердцем, губил, голубил,
или ту, одетую в мокрый плащок ночной.

Нет их здесь. Ну а та, что целует в губы,
пахнет смертью и тишиной.

† † †

Он дал пароль ей и ключи.
Рука ввела их в правый край
под левой грудью. Подключив,
она жила с ним как вай-фай.

Их ангел Радиус водил.
Она бесплотна, он — тактил.
Сигнала нет. Но и сходясь
вплотную с ним — теряла связь.

Вот грудь, вот сердце, и на нём,
как тот на панночке верхом,
она летит, летит, летит
вне зоны действия сети.

† † †

Это автоматическое письмо,
не открывая глаз, не смыкая губ.
Капля небесная, пав на лист —
женщина. Что она помнит
о? Разлетевшуюся наготу?
Мист у неё там, где тонет
каждый, думающий, что мост
в будущее, разводной.
Мист в колпаке, халдей
жизни, кровав, изгой-
лакомка сердца, косо
тянущий низ её живота,
весь её расписной космос,
не размыкая глаз-губ,
пьёт. А та, на листе, та
ль? Просвечивает спас-глубь
в местах разрывов, или
жилочки на листе? Вещей
при ней не было. Да, любили,
как не в себе, а потом не стало,
солнце взошло после сигнала,
оставьте своё сообще...

† † †

Не отвечай меня,
я осень жа, я очень жи,
ты, муравей отчаянья,
держишь
за эту шаткость над тобой,
травинку сне —
куда-то к не, куда-то к бо,
не женщину, не сме,
за эту радость на свету
стыдливо так, раздето...
Мы тут не задан никому,
не отвечай.
Одна, как нет,
она, как на,
не спета
немота,
и ты ничей,
никто у речи на краю,
не отвечай меня,
но и не спросит, кроме лю,
верней, молчания.

† † †

Над полями метались краиночки-ластівки,
разминались вдали облака-рифеншталь,
и, слегка дополняя гештальт,
мы лежали в траве в позе солнечной свастики.

† † †

Ты говоришь: выбирай.
Речь и рай — вещи несовместимые.
Выбрал бы, да нет стимула.

Впрочем, ни того, ни другого нет.
Какая-то промежуточность,
как та шуточка между ног —
тот ещё свет, иго моё благо...

Я бы тебя окучивал
нежностью, как осьминог,
чернил бы достал, плакал...

Нет, лучше ты:
у тебя их — то две, то восемь,
а я между ними — вода влекомая,
цветы воды
взвинченные, нелегко им,
а ты — фьють, и уплыла, как авоська.
Авоська любви.

Ячейка — тоже хорошее слово.

Довольно чахлый
свет. Плавает, как солома.

Речь и рай на прищепках,
а верёвка — бобо.

Может, и не цветы — чакры
воды́ тянутся за тобой,
замедляя своё вращенье.

† † †

Тучка-девочка, тёмненькая, с энурезом.
А где ж мама?
В стороне плывёт, светлая, с жёлтой розой
в руке. Жеманно.

Деревце, что ли, выпить взглядом?
Клён или липу?
Людой её назовём. Да, Люда?
Помнишь ли ты талиба

сердца своего? Лапа твоя
в жар бросает.
Ах, Люда, хлопотно
тебе со мной, моя Вирсавия?

Не такой уж горький я пропойца,
свищу в травинку,
как Секст Проперций
в свою Гостию.

А хотел быть прозрачной кабинкой
для переодеваний твоих — из лета в осень.
А ты? Космонавтом, небось? На покосе
звёздном? Ах, Люда,

ничего ты не можешь,
как и я. Может, это и хорошо.
Ну что ты всё машешь, машешь,
улеглось ведь, и дождь прошёл.

Замок, сабля, лесенка

✚ ✚ ✚

Кто эта женщина с маленькими предложениями
лёгких ладоней, будто вода ушла,
тихо так, с маленькими подлогами
слов, слов, слов... без окна.

Отвернувшись к стене,
как ботиночки те, нелюдимы...

И вся жизнь, как книга,
с рассыпанными листами —
ни прочесть, ни собрать.

✚ ✚ ✚

Она казачка, она сабля в сапожках. Она как рассечённый воздух взблещивает и уходит в нижние земли:
у неё в межножье они — нидерланды.
А голова — во ржи над пропастью.
Не дорожить, освобождая себя как место «так приходящему». Рядом с ней авантюра — старая дева с чулком в углу.
Она смеётся, ей не нужен язык.
У неё подмышки пахнут марихуаной.
А сосочки — паиньки, те ещё.
И мальчишечьи бёдра, 35-й размер ноги — знай наших! Она смеётся, с этого начинается.
А глаза монголки, глядящей в угли,
и губы — те, что мучить и мять, и пить...
Она смеётся, снизу вверх тебя обживая.
Маленькие её кисти, как карты сибирских рек,
а в ладонях — тишь, лето. Она крадётся ими к тебе. Она вьётся веретеном под тобой,
как соболю, играя, прощаясь с жизнью.
После близости с ней мир теряет свои очертанья,
надевая что под руку. Вот окно в её трусиках,
а кровать ушла. Она мать. Она — ждать и море.
Она случай, внутри неё влажный луч.
Она может сама, без рук, вызывать оргазм —
в любое время и сколько хочет.
Это как с будущим, говорит, оно здесь,
и смеётся. И вот здесь, — раздевая тебя
и унося в себе. Её возраст не совпадает
с кольцами годовыми. Она мать и мальчик
за внутренней ширмой. Не женщин любит она,
а воду. Примеривает её как одежду,

и, видно, жила бы в ней, но там нет —
щёлкает пальцами — да, мужчин.
Она отпускает деньги легко на волю,
и они возвращаются к ней с детьми.
Воин она, только с кем воевать, когда один?
Да и поле — чтобы лежать там, раскинув руки
и, прикрывая глаза, ждать, ждать, ждать,
и в одном прыжке — взять. И выпустить,
не дорожа ничем. Да? Как бы не так!
Она смотрит на море поверх бокала,
пригубливая и забывая о нём. Как кошка,
её прошлое бродит само по себе
и, возвращаясь, о ноги трётся.
Не замечает, встаёт, уходит —
как свет сквозь воду —
в себя.

✚ ✚ ✚

Смешно, но повторю, хоть имя — «дилдо».
Як дід на хуторі и дева-дылда — в одном.
Давай себе их вставим — дел-то, и пойдём
на... подожди, — торжественный приём.
Но лучше с батарейками, чтобы туда-сюда,
и лёгонькой трясучкой там... Ну, как кому.
Ты будешь целомудренна и чопорна, и ум
снаружи, а внутри — хамам, и десять турков.
Я буду твой Свидан, начитанный и нежный.
В гостях мы светский разговор, как «мурку»,
подпоём. А там, внизу, меж ног — кромешно
счастье, страшно и светло. И солнце в дождь.
И вновь дрожит улыбка. Губы — смех и грех.
Чуть выгнуты. Как тело... Днесь нам дажды!
Я помню, как на поезд опоздали, он — тю-тю,
ты охнула и кончила. Обнял. Вот так и надо —
от слов, пейзажей, поездов и, ладно, от кутюр,
и зачинать полянки, буквы, дольней моды
содроганье, и ангелов полёт, и машинистов.
Признайся, ты не гоминидка, ты семейства
оргастичных, типа «ааа!», и влажно-мшистых.
А я — тип word'овых, но, как и ты, не местных.
Вот интересно, как у космонавтов на орбите
происходит близость? Мы пробовали, совесть
чиста: анофелесов танец. Был бы рад Овидий.
Наркоз метаморфоз. И поз. И невесомость.
Потом приход сестёр с верёвкой: Тяжесть
и Нежность. Ну поцелуй сосочки-черевички,
шепчешь, а я в твоём изножье: не натешусь,
дую в щель, как дух святой, потом за щёчки
трясу, и марсианка всё лепечет, всё худеет...
И маленькая шишечка вверху там, как у дея!

Ну что, любовь, идём мы на приём? — святыни
попраны. К утру мы — как горшки на тыне.

Дождит, пространство между нами не простаивает.
Птицы в себе сидят, как в концертных ямах,
настраиваются, деревьями-меломанами обрастают.
Жду тебя, думаю о последних минутах Омара Хайяма:
взял он книгу ибн Сины «Об исцелении» и открыл
на главе «Единое во множественном», и отошёл,
заложив страницу золотой зубочисткой,
тихо так отошёл меж раскинутых крыл.
Семь дней я творил тебя, отворял. «Хорошо!» —
как явствовало из моей записки,
вложенной трубочкой в твои ложесна,
похожие на сведённые ладони,
в которых... я бы сказал, теперь — забриски
пойнт. А была весна
на заречной улочке. Где ж ты там ходишь, доня
омута, иннок страсти, страстотерпица-изуверка,
булочку ешь? Ветрено. Баржа ржавая, как щеколда,
в берег вдвинута. На мосту стоишь ты, наверное,
вдаль смотришь. Ножки сжаты твои, рощи голы...
А записка? Или вынула, влажную,
нечитаемую, как те двое — с ангелом у ворот?
Дурачок, обнимаешь меня, давай, ляжем.
В Боге, шепчешь на ухо, не инсталлирован Word.

Между кухней и спальней залёг я, последний индеец,
снизу вверх караулю тебя, бледнотелая конквистадорка,
твои ноги-дороги когда-нибудь где-то сойдутся — надеюсь,
надо мной. Я готов, я во тьме — как подсобка залёг
Военторга.
Ты — Колумба дитя, сапожок между ног у тебя там
гишпанский,
а в руках — кастанеды, и сны твои благоуханны,
как лунная клумба
конопли. Я твой скальп с париком и ажурный
набедренный панцирь
достаю по ночам и читаю, пока за окном
ты волшебною лампой
проплываешь, и тени нас пишут на стенах. Пила ли ты
кровь —
ту, которую я приготовил? А руки — в той рощице жизни,
не придуманной нами, — собрала ль? А сердце? Укрой
меня кожей своей. И не скажешь: нашлись мы.
Счастье кличет беду, и в меду эта жалость.
Кто на белом лежит? Это мы — в кулачок
тихо сжались. Дунь, колдун-дурачок, —
он не нами откроется, дунь.

† † †

Она любила в сексе быть мячом кручёным
у игрока, и улетать в ворота. А он финтил.
Любя венчала, она неизречённым ртом кричала
под ним, а он любил драматургию, уходил в поля —
но как бы. И возвращался не один. Природа
скачков не знает, Лейбниц говорит, ля-ля не надо,
моя монада, сладчайше незаметны переходы
по лестнице витой вокруг пролёта в мире без дверей
и окон. Он чувствовал её во тьме как перекааты
реки. Которой вдруг не стало. Волны дней.
И как садок вишнёвый коло хаты —
её бельё на спинке стула.

† † †

Куда бы отправиться, где ни человека,
ни следов его течки?
Куда, любимая?
Женщины, говорит Чехов,
делятся на тех, у кого губы сердечком
и у кого колечком — как у налима.
Да, а ещё есть — бантиком.
И летуче-красным полумесяцем.
А у испанок ножки, как у сервантиков...
Куда же поехать нам, чтоб не повеситься?
Я на краю света кружил бы тебя, как ветер
листок. Только где его сыщешь на этом?
Да и на том — встретят нас, как в Пхукете —
всё включено. Мир, как песенка, спет, и
спит. Мы по лесенке видов с тобой с ума
будем тихо сходить, предаваясь любви,
и она — рот сердечком — допьёт нас до дна
золотого, как небо, аи,
и прошепчет с улыбкой: куда б отправиться?..
Писаная красавица
жизнь прошла: «Кому
что, — обернулась, — нравится,
а мне — осень в Крыму».

✚ ✚ ✚

Загнана счастьем, себе дороже,
лишаясь ненужных чувств,
она обретает себя, облетев до дрожи,
и движется дальше, сводя вничью
с жизнью, обе они никто, осталось
красть себя друг у друга — уже не здесь,
вся она — восемь строк о страсти,
те, которые не прочесть.
Она выпрыгивает из окон
всех своих тел, она втроём —
бабочка, червь и куколка-кокон
одновременно. В ком
же душа из них? И в помине
нет её, кроме той, во тьме,
скрипочки... Паганини
страсти, она изводит себя на одной струне
и рвётся, с собой срастаясь
на верхней ноте, и снова вниз,
туда, где страсть окунает в старость
горящий коготь. Она из праха, из глины, из
его ребра, и дрожит в простынке
скользящей пены, сквозящих дней,
как парусок, а он пустынной
ребристой лодкой плывёт под ней.

Экраны

✚ ✚ ✚

Он и она. У них на глазах повязки.
Они не знают друг друга. Раздевают.
Маленькие, думает она, с ладошку, ласки —
семейства куньих. Откуда же это всплывает,
думает он, левая рука — князь Мышкин,
а правая — как Рогожин. И тишь меж ними.
Нашла идиота, шепчутся клеточки-анонимы,
и лёгонькой гарью пахнет, как от сгоревшей кожи.
Нет, они не равны, не так уж ей важно видеть.
Иносказаньем чувств, как языком эзоповым,
водит их. Он её вспоминает — шрути, смрити...
Она след в нём взяла и припадает к запаху,
втягивает его. А он её разворачивает как свиток
во всю длину её голости, голоса, рук, ног.
Жизнь её распускается и, как соцветья с веток,
кружится, кружится и засыпает его.
Вот он. Она припадает к сердцу и след теряет.
Три там дороги: и по каждой идут в обнимку
беда и счастье, как подвыпившие хуторяне,
и пропадают в съехавших набок нимбах.
Он и она. Комната. Полуживые маски
света, родства, отчужденья... Огни перрона.
И в темноте плавающие повязки,
как на ранах.

Была она хрупкого стихосложения.
И не скажешь — силлабо-тоника,
но и верлибром не назовёшь.
Будто слова говорили в ней: давай поженемся...
Обращаясь к близнему, глядя в дальнее, как дальтоники.
А ответишь — не проживёшь.
Ничего в ней не отвечало оклику
предсказуемости. В ней витали маленькие халифы
морфологии, а ладони — в синтаксисе камлания,
но незримого. И листва подносила к глазам биноклики
проступившей росы. И на воле бродили рифмы,
замирая, прислушиваясь, как лани.
У неё между правым и левым — не мера.
У неё между верхом и низом — литота,
этот минус-цветок, из которого смерть и сиянье, и дети.
Как, наверно, у всякого мира.
У неё, как у всякого мира, был кто-то.
И пропал: обернулся, ответил.

Он смотрит.
Небо, похожее на ущелье,
в котором кануло солнце,
но ещё тают влажные отблески,
а над ними — то ли тучка расчёсывается,
то ли лесок бредёт, не сходя с места.
Он дышит.
Пахнет томленьем трав,
мокрым орешником, детской щемью,
может, костром, или тёплым пеплом,
и каким-то неизъяснимым
горьким счастьем,
но чем глубже вдыхаешь,
тем оно дальше.
Он летит,
падает,
покачивается,
слыша сердце своё
над собой,
как в ветвях запутавшийся парашют.
Он трогает
взглядом, губами,
жаждой, страхом, стыдом
эту чуткую трещинку тёмного света,
последнего, первого,
между её разведёнными коленями.
Она медленно сводит их,
встаёт, отряхивает платье.
Он видит её,
уходящую вдоль кромки моря:
они держатся за руки,
он видит себя —
чужого как никогда.

† † †

Было у него предрассветное соловьиное сердце
и слегка заторможенный, как у младенца,
взгляд. А руки длинные, добытийные,
как у Лермонтова, с незримою кочергой,
которую он сгибал-разгибал перед собой,
пытаясь справиться с невыраженным нарративом
мира, давал имена тем языком, который не знал
ни изгнанья, ни времени, ни любви, стало быть.
Переминался с мужского на женское, как из сна
выпростанный наполовину, постанывал
тихо так, пытаясь из одного сложить два,
рёбра в нём проплывали дальние, перистые,
и что-то краснело на верхней губе, вроде герпеса —
маленького, незаживающего, как Москва.

† † †

Она амазонка смуглая со взором Кочубея.
Волосы — от Севильи до Запорожья — чёрным жаром.
Грудь её, как нашлёпка, чтоб тетиве не мешала,
и сосок своим голым достоинством коченеет.

Она немного запуталась, воин возраста и психолог
в театре кукол. Ноги она выгуливает на свободе,
а в голове, в алькове — звёздное небо собачьих свадеб.
Кровь течёт в ней, темна и шипуча, как пепси-кола.

Она выпускает ребёнка чувств, пьёт им прану
радости, пьёт, чуть хмелея и отдаляясь, взрослая,
между ног — колчан (стрелы точно подходят к ранам,
в них входя, говорит Кафка), а в волосах — роза.

Она поёт: где б ни была любовь — вверху, внизу ли...
Вернее, шепчет: где бы ты... и жизнь не значит
ровно ничего. Одна, в песке, в темнеющей лазури,
она лежит на берегу, лицом в ладонь, и плачет.

† † †

Как подумаешь, какие они всё же разные,
эти телесные княжества — рука, лицо, пятка...

С этим отребьем
памяти и её вельможами. Ни летописи, ни романа,
да, ромалэ?

Ах, как неслась она, серфингистка оргазма,
под наворачивающимся гребнем,
пока её не накрывало.

А потом, сидя на берегу, в тихой чужести,
обнимала эту доску — незримую, мокрую. Как доску
обнимала
жизнь свою, этот камень, бумагу, ножницы,
этот ангельский свет, разлетающийся пичужками
любви, языка, смерти — этих богов маленьких
с ограниченными возможностями.

Кто ж ты, господи всемогущий? На чём всё держится —
неужели же ни на чём, на нитях,
которых нет? Когда б не детство, большеглазый его лемур,
но и с ним не выжить. Всё разрозненно так, хоть вешайся
друг на друге. Ничего они, эти нити, не видят —
ни его, ни её, ни доски... Она встаёт и идёт к нему.

† † †

Она говорит: он входит в мои сны, понимаешь,
как в женщину. Не в меня, а именно в сны:
весь их ландшафт постанывает, выгибается,
так он его заводит, а я — в нём, этом пейзаже,
в пальце его ноги или в крылышке носа,
он меня чувствует, но не трогает, не берёт,
а изводит пространство вокруг и рядом.
Но, знаешь, странно — его как бы и нет.
На нём надето моё лицо, и это не маска,
но и не я, он берёт меня мной — будущей,
прошлой, любой, но не этой, которая так
безвольна, как только во сне, когда наступают,
и вдруг — он переворачивает ландшафт
и входит сзади, а я губы собрать не могу —
губы свои, или сна, или ландшафта этого —
там они, на краю всего, где лицо, которое
мы ведь не видим во сне, за которым восходит
солнце. А потом я иду в ванную, верней,
что от меня осталось идёт в ванную,
смотрит в зеркало, говорит: понимаешь...
И он кивает оттуда, как будто стоит
за моей спиной, а меня и не было.

✚ ✚ ✚

А потом он делает ей предложение.
То есть себе самому. То есть ей в нём.
Она молчит, опустив глаза.
Он стоит у окна, держит её ладонь:
правой — левую, и говорит, говорит...
Ну да, отвечает он ей улыбкой,
шизофрения, конечно, но разве любая
совместная жизнь мужчины и женщины —
не она? И знаешь, мне ведь так это важно,
чтоб было о ком... Жить о ком.
Ждать, еду приготовить, и свечи зажечь,
и проснуться, и знать, что ты рядом...
И книги, они у нас разные, но иногда
у нас будет одна... И гулять. Обязательно
будем гулять. И любить, понимаешь,
как себя самого, но другого...
Она всё молчала, смотрела в окно
и еле заметно кивала. Ей тоже, наверно,
пришлось в этой жизни... Кого же
так чувствовать, как не друг друга,
и с кем же так близко, так долго, так вчуже
они пребывали в одном на двоих очертании?
С кем же? Бог весть. И прильнула.
Как в медленном танце они у окна
чуть покачивались. Чуть покачивались —
и пейзаж за окном, и слова их, и годы.
Так жили. Соседям казалось,
стал как-то моложе он, легче, светлей,
не раз возвращался с цветами,
и свет допоздна, — видно, гости,
и музыка, смех из окна доносился.
Потом он исчез. А полгода спустя,

когда дверь его вскрыли и вынули
из петли почерневшее тело, соседи
смотрели в знакомое всем им лицо,
и опознать не могли эту женщину.

† † †

Она говорит: это лето похоже
на меня,
в твою голую спину глядящую
после близости.

Остаётся немного песка, извести
на ладонях, огня в животе,
остывающего, остаётся
нарисовать окно.

† † †

Подумать только, она говорит, весь человек —
со всей его цивилизацией, религией и культурой —
не более чем история знания им о своей смерти.
Не будь этого — похоже, ничего бы не началось.
А ребёнку не нужен бог, он просто идёт, как снег.
Я в общем-то тоже шла счастливой такой душой —
почти что до сорока, не типа «будьте, как дети»,
и не в клиническом смысле пребывания врозь
с интеллектом, а что называется — так срослось
ещё до того, как сломалось. То есть, конечно,
всё это будоражило, да, но, как бы тебе сказать,
не более, чем прогулка воображения, душа в теле
или беседа с деревом, например, о хлорофилле.
Ну не то чтобы всё это как за щекой леденчик,
но и не так чтоб чернело в сердце — мол, гроза,
гром и молнии там... или, тихонькая, смертельно
ноет, подсасывает, и вдруг распахивает, как филин,
очи жёлтые: угу-угу, будет смерть тебе, тили-тили...
То есть, да, и гроза, и леденчик, и круглы оченьки,
но от другого — жизни, а смерть — как буколики
инфернальные: интересен пейзаж, коллизии, косы
в руках, поле... барышни на покосе. И не очень-то
задевали, перешагивая через голову, эти коники
апокалипсиса, стоило чуть пригнуться или позу
слегка сменить, но не от экзистенциального ужаса,
и вообще не от ума и сердца, а как у нас с тобой,
или «мороз и солнце»... Что же оно так кружится,
и всё летишь, летишь... захлёбываясь землёй.

Она возникла меж ними, любовь, но так,
что оба чувствовали её, а друг друга — нет.
Она брала в ладони их лица, шептала: да, да...
И они сквозь пальцы её продолжали вглядываться.

А она оборачивалась то женщиной, то мужчиной
и что-то делала с ними, входя, выходя, но уже другой,
облапывала, сворачивалась у ног, у двери скулила...
А потом они стали натравливать её друг на друга.

Вроде бы не всерьёз. И во рту этот привкус крови —
не всерьёз. Отчего ж так тепло, приглушённо
светло... Как давно? Что за город?
Они чувствуют и не помнят друг друга,
сросшись спинами.

Он говорит, я должна подумать,
мол, это не шутки. На человека
подсесть, как на героин. Да ну,
говорю, у меня ведь и муж есть,
и мы уже разные чувства пробовали —
и доброту, и отчаянье, даже любовь.
Но и до этого у меня были опыты —
те ещё. Одной-то, конечно, трудно.
И не столько поступки выстраивать
или увязывать их с намереньями,
сколько вживлять в себя этот смутный
ландшафт — «душевный и одинокий».
То есть наоборот. Или? Тонкий момент.
Методологически — более-менее ясно,
и технику постепенно можно освоить,
но... Есть ведь такие, кто и с концами
в это уходят, как монахи в пещеры.
Мы-то стараемся всё ещё без фанатизма.
Просто винтаж, одёргиваю себя. Хотя,
когда внутренние гонения проходили,
такое смятение — особенно у него,
не приведи боже. Подумай, он говорит,
не спеши, это тебе не секта фриков.
Да уж, могу представить. Ладно,
повременим. Вот думаем обзавестись
отцом, матерью. А в дальнейшем,
может быть, и ребёнком. Но это пока
не ближний, как муж говорит, свет.

✚ ✚ ✚

Она толкает его своим тугим животом впереди себя.
И макает его головой в ведро счастья — до дна.
Она подвешивает его вверх ногами
и охаживает неземными цветами.
Лицо её перекошено красотой.
Она вынимает из него душу, как ветку,
и кидает в огонь: соком вскипают слова.
Она видит ребёнка, отринутого, он не здесь.
Видит женщин его, они не здесь.
И страна, и дом, и дорога не здесь.
Она берёт его чувства, смотрит,
кидает на стол, как карты:
все открыты, одна лишь — рубашкой кверху.
Та ли? Или нет среди них её?
Она возвращает ему, что не брала.
И входит в него так, будто не выходила.
Она лежит в нём — от пят его до волос,
дышит его ртом, водит рядом с собой рукой,
сжимая её в кулак, обессиливая.

✚ ✚ ✚

Я описываю тебя собой.
То есть ничего от тебя в моём описании нет.
И дело не в инцестуальности любого письма —
не тешь пустоту домоганьем
присутствия своего.
Ничего от тебя.
Но ведь и это уже не мало.
Без обратного адреса.
Если б это ещё сближало...

Она сидит на нём, на спине лежащем, перебирая руками его, словно это каяк, она любит менять режимы: мягче — жёстче, за сомкнутыми губами, как дорогой коньяк, его поцелуй настаивается, небо пощипывая. Ей нравится этот чувственный ассортимент его возможностей — для бёдер, щиколоток, ямочки под ключицей... Любит, когда надет на неё мужчина в виде огня или воздуха, любит, когда его твердь заходит так глубоко, что уже ни сердцем её не объять, ни мозгом, эта поза тряпичной куклы, насаженной на кол, любя ей. Нет, конечно, она далеко не с каждым, главное — не отвлекаться, настроиться на себя, потому что в этом гендерном фитнесе — дважды один — один, и это — она. То мной, то собой гребя потихоньку и всё быстрее, острова блаженства под себя подгребая, кто она, что я ей, думает он. А она, перебирая его руками: видно, женского в нём немало, так он отдатлив... Как быстрый сон, зрачки под веками ходят в нетях, так эти двое спят и видят себя как что-то второе, третье.

Она говорит: давай сойдёмся без понимания. Это мне нравится. Да, пусть постоит в стороне. А лучше — пойдёт прогуляется на свидание со своим отсутствием. А мы попробуем

не то чтоб любить друг друга, но как-то освоиться с гравитацией для начала, с лунатизмом тел — двух как одного, с этим гомером бессонницы чувств — в их отважной и жалобной наготе.

А потом — когда-нибудь, может быть, и проявится, трогать будет всё то, чем были мы, перебирать чувства наши, слова... И таким оно и останется, это чуткое понимание, но уже без нас.

Она была женщиной-пустыней. Он шёл к ней всю жизнь.
И не помнил уже, как и когда затерялся в её песках.
Даль её плыла в миражах, а близь не оставляла следов.
И ночной перепад, когда молча сидели они у огня,
а к утру собирали росу. Он не видел нигде, никогда
такого звёздного неба, как в ней, и такой тишины.
Песок и небо. И ничего больше. Никогда он не видел,
как перерисовывалось за спиной её мирозданье,
стоило лишь обернуться: и свет, и линии тела,
и близь, и даль — неузнаваемы. Она помнит его,
она чувствует его в себе, занесённого песками.

Представь, они называют его чёрт знает кем —
Иеговой, Аллахом, Маздой, Кецалькоатлем,
а он тем временем в животе — просто морула,
ежевика, тут он. Маленький, 0,1 миллиметра.
А потом подрастёт и будет, как Диоген
в бочке. Брахман по небу, говоришь, атман —
по морю. Просто сблизилась две гаметы,
ценой гибели всех возможных миров. Как
из двух единиц возникает двойка? И наоборот:
из двойки — две единицы? Это, считал Сократ,
непостижимо. Гибели, да, мой егерь Грах,
всех, кроме этого, и поглаживаешь живот.
Двое сблизилась, став единым. Свят-свят,
говорю, любовь — животворящий крест.
А потом странствует эта морула к яслям —
семь дней, боженька, 0,1. Но именно здесь
весь он в славе своей и силе. Потом, отверст,
рушится в жизнь, на то и это (делясь ли? —
непостижимо), помнит, ищет себя (как есть,
но нет которого) там, в другом. Сбрасывает,
как кожу, наши с тобой очертания, становясь
в этом всё больше на нас похожим, то есть
всё более отдаляясь.

† † †

Какой-то свет её изводит, мятый
внутри. Крылатый, может быть? Зима,
и сердце подволакивает лапу.

И ум — сума.

И тихие глаза — большие, бедные,
и уши тёплые — и дрожи, и любви,
и нежность с заячьей губой, и петли,
петли... И снег в крови.

† † †

Она лежит, голая, на боку, поджав колени,
смотрит на бедро своё влажное: да, когда-то
эта нога ребёнком была, и было ей интересно —
что́ там выше, а теперь, после этих камланий
близости, оба, как ушки, лежат, прижаты,
у черты, когда вдруг оказывается бестелесным
всё ещё плавающий во взгляде мир, но скоро
это пройдёт — жизнь, он, за спиной лежащий,
эти слова, по кругу тикающие, как стрелка,
да, я как белка в космосе, в колесе, старый
трюк, но срabатывает, и не то чтоб жёстче
лапки становятся, а как замуж они, сестрёнки,
за околицу в ночь выходят, как свет наощупь,
да и свет ли, если он на коленях — бог весть,
не в себе всё, к чему тут ни прикоснёшься.
Что ж, скажи, тогда остаётся, как ослик тощий
на распустье? По одной пойдёшь — будет повесть
нечитаемая. По другой идти — не проснёшься.

Судя по тому, что происходит с нами, он говорит, вскоре она исчезнет — речь. Где-нибудь во внучатом племяннике времени. И станет редкой профессией — типа, знаешь, встречающих заморские корабли, было их вроде пятеро на всю страну — шипчандлер, должность такая. И будут они с головами пёсьими переговариваться, изучать её и хранить. А потом зрение отойдёт, но ещё болезненней, как наркоз оптический. И слепцы, немногие, кто его голоцену себя посвятит, будут описывать глаз, как Платон Атлантиду. Затем память. Подёргиваясь, как хвост от ящерицы, те немногие будут изображать целое. Но начнётся всё с речи, видишь, и бог не спас её. Мёртвым оставь хоронить, говорит. Я — Коханья, шепчет. Был. Не слышу тебя, лишь неясный шум. Дыханье, разлитое по телу, — это речь, сказано в упанишадах, потому её произносят, не выдыхая и не вдыхая. Видишь, ты уже дышишь, и я дышу.

Она говорит: не стоит переоценивать наше участие в собственной жизни. Нами живут и мёртвые. Энергия ведь никуда не девается — переходит. Все мёртвые, которые когда-либо жили. И когда ты меня обнимаешь, целуешь и шепчешь — за этим и в этом мерцают их руки, их губы, слова. И, возможно, в других измерениях мы тоже отчасти присутствуем в них. Воскресения нет, и не мёртвые мёртвых хоронят. Никто никого. Не встречает, не видит, не ждёт. А встречая, не узнаёт. А признавши — не помнит. Но все они здесь. То есть мы. И берёт мою руку, к щеке прижимает, смолкает и смотрит в глаза. Не в мои. А любви. Не она. Не рождённая.

† † †

Она говорит:
тебе ничего это не напоминает —
все эти «плоть от плоти»,
«свобода воли», «болезнь к смерти»...
Снег,
она говорит,
облучённый,
как Паоло и Франческа,
лежит.
Она говорит:
тебе не кажется,
что человек возникает на фоне
иммунной изношенности творенья,
может быть, восходящей к некоей утрате?
Обмелевшие карты
времени,
кракелюры памяти,
она говорит.
И тогда,
если рассматривать нас
как некое онкообразование
на его теле,
многие противоречия и вопросы,
связанные с понятиями душа, сознание и т. п.,
не то чтобы отпадают,
но переходят в иную плоскость.
Она говорит,
отвернувшись,
глядя в окно,
видимо, тоже волнуясь
в этом полуслепом пятне
клеточных превращений.

† † †

Она стоит обнажённая, в кухне, нагнувшись,
локтями опираясь на стол, смотрит в окно,
отсутствующее лицо обхватив ладонями. Ужас,
говорит, дивное слово, тихое, откуда оно?

Он стоит сзади, вроде бы безучастный,
входит глубже, прижимаясь к её элладе
бёдрами и замирая там, внутри её, чувствуя
слабенькое такое, детское рукопожатье.

В руке у него книга — может быть, Роб-Грийе.
Он из неё чуть выходит, переворачивая страницу.
Странно, она говорит, снег лежит, а снегирей
нет. Может, они в глазах остаются?

Ретардация, замедленье телесных линий,
их сюжетов. Годы идут, и все не здесь.
Пьёт молочко у ног черепаха по имени
Ахиллес.

† † †

Кто они, эти двое? Как зеркальце — дышит, не дышит — подносят к губам, так всем телом они, чуть мутясь и туманясь, пытаются что-то понять, прикасаясь друг к другу и отдаляясь. И демон узора кивает, и паутинка дрожит, затихая, как будто они ещё в ней.

† † †

Вот в любви они, он и она, как одно; в клочья рвут его, а её по земле метёт. Как в кино стоят, а метёт и рвут — за экраном. Который легко проткнуть, как человека, если б он был внутри. Счастье — рана, играющая в «отомри». Тело к телу, и — обмирают ладони. Языки в поцелуе, как в пещере Платона, обращаются в тени. Странно вот что, говорит он уже у окна, снимая её с себя как кожу: Адам в раю давал имена жизни — без языка изгнанья, без дара смерти, без окна. Да, она говорит, до свиданья, я ушёл. Как Господь, мир создав, сказал: хорошо, не он, не она. Как одно стоят, и любовь — лишь прана... Что ж так рвут его, а её метёт — за экраном.

✚ ✚ ✚

А по ночам из неё выходят мужчины
и стоят над ней в тёмно-синем свете,
чуть колеблясь, не касаясь земли.

А она лежит на спине,
едва перебирая ногами,
как пританцовывая.

Ей снится родина,
солнечная тропинка,
обвивающая её,
как пуповина,
ей легко и всё легче,
если бы не любовь.

А они стоят, угасая, текут вспять,
становясь всё незримей.

И тот, кто не вернётся в неё до утра,
ложится рядом,
всё тот же, родной, другой,
она обнимает его во сне
и открывает глаза.

РИСУНКИ НА ПОЛЯХ

† † †

Примеривает нас как счастье, как печаль, как стыд...
в ревнивом будущем укрывшийся рассказчик,
и раздевает медленно, чтоб в оголенье стыть
нам меж несбывшимся и полунастоящим.

† † †

Ходит за мной перемена участи.
Будто пёс-поводырь, но идёт сзади.
Впереди — лесок в камуфляже.
Что я могу понять?
Воздух
примеривает пути
и отпускает на...
На, мой хороший.
Речь пытаешься снять с языка,
как волосок,
и не можешь.
Но что-то ходит... женщиной, гоголем,
переменной участи...
Я читал тебя снизу вверх — иероглифом,
белым, на фоне темнеющего окна.
Не мучайся, говорит, сойди с карусели,
ум-лошадка...
А другая ты — в памяти, как сосна
на севере.
И так шатко,
всё так сладостно шатко —
до дурноты.
Наизнанку
надето пространство, видишь —
эти рубчики, швы,
этот ниточный свет...
Глянешь в зеркало —
справа налево читает тебя, как идиш.
Ниточный свет, чёрная месса...
И любовь, как детёныша самка,
носит тебя в зубах, нежная, нервная,
с места на место,
которого нет.

† † †

Наступил на улитку во тьме.
Жизнью меньше,
словом больше.
Без домика. Просто слизень.
С одним лёгким
и капельными глазами
на чутких веточках.
Гермафродит.
Такой же,
как мы были когда-то
до засолки брусники.

† † †

Есть курочки на южных островах,
усидчивые мамки, в кустиках сидят
и тикают головкой, дни считая.
Но отвлекаются —
по скромному хозяйству.
Тогда некрупные вараны (Mona Lizard)
с улыбкой подменяют деток,
и курочки, вернувшись на насест,
высиживают ящериц
(они в яйце колеблются,
как человек Витрувия).
Расхожий случай —
у насекомых, птиц и у людей.
Я думаю о слове
«неотвратимость».
Но отвлекаюсь —
по скромному хозяйству.
Она стоит в просвете (деревьев, скажем),
и мы друг друга видим, но не смотрим —
да, игра такая. В течение и запруду.
Не так всё просто. Скромное хозяйство —
и у неё. И сноски к берегу.
И синтаксис, инверсии течения.
Там, в просвете,
она, и тикает головкой, дни считает.

† † †

Женщины, живущие на деревьях, — певчие и совиные.
Женщины «яма-печь-колосья», на манер овинов.
Сложносочинённые женщины-норы, на 12 выходов.
Женщины длиннохвостые, мускусные хохули, вухухоли.
Гули-гули и трали-вали, с прищуренными охальниками.
Женщины-просветы, метафизические — по Хайдеггеру.
Головоногие женщины, струящиеся иллюминаты.
Женщины-катарсисы — как Орфей в менадах.
Целые женщины, половинки, осьмушки, мушки цеце.
Женщины-нектарницы с пяточками в крови и пыльце.
Фонетические женщины, синтаксические, и ни разу.
Женщины, умирающие со смеху от оргазма.
Немолодые девственницы с чувственным оскалом.
И те — с небом звёздным и в груди ласкалой.
Женщины-пустыни с плавающим зеркальцем.
Лётные панночки, с которыми видно все концы.
Женщины-вольницы, без имени до поры,
а потом под временем — как доярки.
Ходят по лесу маляры
с лестницами Ламарка.

† † †

Мужчины живут не где, а куда, но откуда и как —
не сказать.

Душа на гусеничном ходу: вверху — вперёд, а внизу —
назад.

Ход бывает червячным, брачным, холостым и бастардо-
образным, то есть ангельским, как бракованная петарда.

Классификацию мужчин определяет, конечно, цель.

Но путь

со временем её вытесняет: вскормлен он им, одет, обут,
опоясан, почти бесцелен, возвратившийся на Итаку.

В целом, жизнь — от прицела стрельца к обороне рака.

Итак, о мужчинах, о некоторых их подвидах и позах.

С-утра-мужчина, покрасневшийся, с мороза.

Полуденный, как на кол севший, дар напрасный.

Муж-демон, весь — как вечер ясный.

Ночной: стеклянный, деревянный, оловянный...

Нет, не получается. Начнём сызнава.

Мужчины-мальчики, качки ума, лётчики разума,

неспособные продолжить женщину как фразу

(вариант: не долетающие до середины ея, но по-разному).

Мужчины-девочки в ситцевых чувствах, с лёгким таким

накатом...

Что-то сносит меня на гендерное. Ну да ладно.

Всадники-жизнелюбы, дующие в женщину, как в рожок.

Постельные архимеды, для которых главное — рычажок.

Левши, подковавшие себя, как блоху,

а потом размышляющие: а на ху...?

Нет, сегодня, похоже, не мой день.

† † †

Ничего не слышно,
ничего не видно.

Видно, это Кришна
разговаривает с Иовом.

Ничего не слишком,
вот яйцо, ab ovo

начинай — с любого.

А Кафка говорит, что есть проблемы, с которыми мы не
смогли бы справиться, если бы природа не освободила нас
от них.

От каких? Не ново

ничего — в плане

одинокой фигуры жизни

Так Приходящей. Ом, мани.

Чувства, по отношению к мыслям,

ведут себя несколько гоношисто.

Смотри на арлекинов:

Магомета, Христа, Будду...

Не проведёшь на мякине

«падме

хум». Наверное, когда домой возвращаются,

от смеха падают.

Хватит, говорит, тыкать его как куклу вуду.

Смішно тобі, світ мій рідний?

Ничего не слышно.

Ничего не видно.

† † †

Что речь? — блоха на коврике у жизни.
Я танцевало с ней и думало: вот бог.
А есть и тот, кто выбивает коврик
вселенной всей — по выходным.

† † †

Рыбачок-будущее — два конца,
два кольца, а меж ними бездна,
ловит прошлое на живца,
поплавок подёргивается.

Пиши, пёрышко, по воде,
он на тебя смотрит
с берега, добрый день,
говорит, подсекая.

И лежишь ты на берегу,
как тот Одиссей
на коленях у Навсикаи.

А потом ни тебя уж нет,
ни её, только свет в полосе
отчужденья.

Случаются женщины, в чьих движениях дышит природа, а не навыки общежития. У которых походка и вся музыка тела, как сомы, подчинены не мозгу, а гуляющему напряжению между собственным очертанием и каким-то Овидием, например, у моря, или вообще не в зоне какой бы то ни было досягаемости... Масоны греются на припёке, весна. А за хвост возьмёшь — в руке и останется этот суфий в трансе и тропинка в воздухе, вьющаяся за телом ускользящим, как сквозь рожь. Разве мыслимо быть последовательным в таком деле, как женщина или жизнь? О соме я, о Жюльет Бинош, например. Внимательная открытость, но центры её рассредоточены. Там — ноги втроём живут с ветерком переменным, там — детки света в медленных сумерках глаз. То немного, что видит её, и становится ею. Как эта ветка — дрогнула в будущем, и опустела — давным-давно.

Было у неё четыре тела
и одна душа:
в одном — ходила,
в другом — летела,
в третьем — любила,
то есть старела,
а четвёртое не нашла.

† † †

Мы проснулись в одной кровати,
двое мужчин, глядящих друг на друга
поверх женщины, лежавшей меж нами
на спине, с невидящими глазами,
в Туле, в Ultima Thule.

Нет, мы её не трогали — ни я, ни он,
просто нежданно приехали к ней
из тех воспоминаний,
откуда не возвращаются.

Она лежала во тьме, тихая, голая,
сжимая маленькими кулачками
простынку на бёдрах, перебирая её,
шепча: мы... мы — черепашка,
перевёрнутая на спину...

И эти безмолвные двое во мне
всё ещё смотрят поверх
того лёгонького тепла,
где она была.

† † †

Если слово
отклоняется
от единственной точности,
оно не гибнет —
хуже:
превращается в призрак —
умный, больной, красивый,
неприкаянный,
ломая судьбы
ближних,
сводя с пути
дальних,
играя на повышение
в мнимых зазорах,
вовлекая письмо
в тихий мерцающий
амок.

† † †

Взрослая девочка-невидимка
сидит в уголке мира,
как в детской комнате,
берёт гору, воздух, рыбу,
пупсика Данте или что попадётся,
нашёптывает в них,
играет в сновидческий ручеёк,
в дочки-матери, музицирует —
пишет стихотворение.

Кто это? — спрашивают события. —
Мы с ней смерть не хлебали,
кровью не умывались
и в огне любви не сгорели.
Откуда же эти руки,
нас присваивающие?
Что они с нами прожили?
И почему на «ты»?

Есть такие растения,
как силки узорчатые.
Ложное опыление.
Узники впечатлительны.

† † †

Ты, неизъяснимая, ты меня
сравнила, как небо с землёй.
Ни на чём этот красочный слой.
Может, и хорошо, что имени
нет. Чёрное и голубое,
и трава как свет.
Ничего под ней. Ничего большей
этой близости, когда нету той,
с кем она.
И не ждать вестей
от пропавшей без вести
этой жизни. Прикрыв лицо,
рукокрылым демоном
письмецо горит.

Если смотреть из древесного падающего листа
на сидящего в тысячелетях Христа,
похожего на муравейник, слегка подождённый
по кругу, становится не то чтоб тошнѣхонько,
но хотелось бы отойти. Вообще, человек тяжѣлое
впечатление производит. Любой. Даже хиханьки
тяжѣлое производят. Воздух прильнѣт к лицу
и отпрянет, как обознавшись. Ну да, ветерок,
говорим, порывист. Взял под уздцы и повѣл к венцу
вторую свою половину. А потом расстались — впятером.
Ясная моя звѣздочка. И полумесяц. Ом (о былом).
Как же всё это осточертело, и дом не проветрить.
И в себя ни войти, ни выйти. Чѣрен, неочевиден
ходит мир в повязке млечной набедренной.
Слова-богомолки ему отсекают голову после соитья.

Я б на свете да на том
наконец имел бы дом
без дверей, с одним окном —
им и был бы я, в обе стороны,
и была б у меня жена — тѣмная материя,
по фамилии Воронова,
а другая светлая — Тетерина,
и, когда сходились они в проѣме,
улетало б окно сквозь тернии к йони
на все четыре, и пока возвращалось,
висело б солнышко над пустырѣм,
окукливалось, прощалось
с литературой. Хорошо им вдвоѣм —
тому и этому. И жѣнкам не худо.
Ходит смерть, как Иуда,
целует и вешается, целует и вешается...
Но и по отношению к ней кто-то есть,
ходит, и всё это на чѣм-то держится,
или уже нет? Сама себя ест
энергия, давится, а делает вид,
отставляет пальчик. Гѣте говорит:
мальчик прыгает, как мячик,
по угасающей. А девочка
роняет себя в реку, как семечко,
да, Геркалит? Навоз и солнце.
И немножко социума.
И чуть-чуть жены.
Или просто вины
безотчѣтной.
Дом стоит — по нечѣтным
тот, а по чѣтным — этот.
А меж ними то ком, то ру.
Нет, говорит, весь не умру.
Так всего и нету.

† † †

Дюгони — старосветские помещики,
он — толстогуб, она — пульхерия;
оплывшие, нежнейшие, пропащие,
у них между мужчиною и женщиной —
весло, на Вы, а прочее похерено,
угодья их — подводная полтавщина.

Сады цветут, весло хвоста русалочье
и маленькие руки — две кульяпочки,
такими не обнять в ночи, не приголубить,
ну разве под руку проплыть. Достаточно
ли Вам любви и сада уваженья, деточка
пульхерия? Мы, толстогубы, однолюбы,

веганы в чепчиках. Какой-то промысел
на нас открыт — но божий ли? Мы тины
и водорослей ламы. В чувствах полежали,
потом всю жизнь в молчании хоронимся.
А наш «другой» зовётся ламантином,
но он в другом пасётся полушарии.

† † †

Разум, доминантный самец,
перечитывает Потец,
перебирая страницы, как шерсть у самки,
выкусывает.

Кассандра
стоит на стене и поёт в небеса от пуза.

Он спел бы тоже,
но как примату
ему тревожно:
трава не смята.

Вглядывается исподлобья:

потец
на ней проступает.

Он — нянька, на нём чепец,
а в глазах — гоби,
божья роса. Многоцветная
нянька. С посохом
между ног. Грация,
кланяется. Человек для разума,
как для скота силос,
производится без доступа воздуха.
Есть многое, что и не снилось.
Живи и помни, говорит отец,
рассвет со лба стирая, как потец.

† † †

Ну что, душа моя, плацебо,
пойдём пройдемся, глянем цены
на сны, на ветер, на людей,
на нас с тобой... Как муравей
соломинку, пронесит кто-то
нас мимо и неповторимо.
Ручная, тонкая работа.
Как, говоришь ты, имя
твое? И кем во тьме доима
коровка млечная? Не телится,
мычит любовь, и тельце
её всё теплится, не гаснет...
Особенно где нас нет.

† † †

Любовь проснулась в пятом часу утра,
темна снаружи, внутри светла.

Верней, вообще не ложилась спать,
переживала фразу «ёб твою мать»,

сказанную ей начальником военкомата
с маленьким твёрдым ртом, как у пулемёта.

Думала: кто ж это был? And who is my mother?
И в целом — о прагмасемантике этой фразы.

Семь пробило. Мария ушла. Надежда. Вера.
Все ушли на войну. Ум, совесть, мера

вещей ушла. Просто собрала людей как вещи
и ушла. Даже то ушло, что сравнить не с чем.

Интеллигибельность? Выйдя из забвения,
смотрит в окно: день, как девочка для битья.

Что у неё в душе? Где Рошен, где Russian?
Надо б собрать в себе всех пропавших

без вести, говорит. Надевает сапоги, бушлат.
Чёрт его знает, в какую сторону, но пошла.

Пошла, говорит, я, последняя, на войну.
Что-то будет. Но что — не пойму.

† † †

И дни творения становятся короче
к седьмому дню. В прострации
лежит природа. Ничтожен твой шабат,
и хорошо. И жизнь идёт, как числа Фибоначчи.
Ни женщины, чтоб чувством странствовать,
ни речи, чтоб дышать.

Скажи ещё: ни воздуха, чтоб видеть, ни земли
чтоб лечь. Все в стаи сбились — чтобы выжить?
Нет ведь. За будущим, за сукой в течке?
И это нет. Молчи. Я Гойя. Гей я. Я Шарли.
Я гусь Благодарения. Я Русь. Я вечный
жидобандеровец. Я полевая пижма.

И хорошо. И конский топ, и пёсий
брёх, и смерть как хата с краю,
куда святых выносят. Осень, Судный
день, унылая пора. Скажи-ка,
дядя, ведь недаром мы вышли из шинели рая?
Я человек, я существо, я небожитель,
как пишет Праджняпарамитасутра.

И хорошо. Что пишут? Кто блажен?
Кто посетил? Кто недопил? Кто праздник?
Вот руки, ноги. На земле их нет. Но нет и выше.
Вот голова лежит, а вон душа, как жен-
щина, летит, на ней шинель, и речь напрасно
ждёт её. Я рано вышел.

† † †

Иди, говорит, Ионыч, в Ниневию,
посчитай мне праведных туркиных.
Тебе надо, Ты и иди, отвечает,
видишь, делом занят, людей лечу.
Нет уж, пойди, любовь посчитай,
так сказать, совместимость
того и этого. Иди, Старец,
с запиской в руке на кладбище,
жди её, шуточку, на свидание.
Тебе надо, Ты и иди, отвечает,
Ты что ли будешь вместо меня
пиявки ставить, от глубин души
отводить воды? Скучно Тебе,
что-нибудь сотвори — развеешься.
Иди, говорит, ты ж любил её,
делал ей предложение. Иди,
а не то сожгу всё и всех,
и деревце посажу за оградой,
но чахлое, чтоб не давало тени,
сына рожу и напишу книгу.
Да ходил я уже туда, отвечает,
ничего хорошего. Иди-иди,
вон барышня твоя вернулась,
видеть тебя хотят, замуж бы,
да не свежа, раздобрела, мух
провожает взглядом, но и ты,
по совести, непригляден стал,
всё брюзжишь, хорохоришься,
капиталец, опять же, видишь,
уже и жечь никого не нужно.

† † †

Субхути, как ты думаешь,
что он хотел сказать,
этот снег,
так приходящий,
когда его уводили
под белы ручки?
Ждёшь ли, дунешь ли
в кулачок, а там слеза
божья, как человек,
даже две, те ещё
райские тили-тили,
светомученики.
Разве большего
Он хотел от нас,
чем всего лишь видеть?
Небо чуть, как стекло оконное,
дребезжит. Конечно,
это поезд, и ночь, и луч,
проходящий так, по-хорошему,
мимо глаз,
мимо музыки. Только нити,
только деревце голое
в поле снежном —
скрипичный ключ.

† † †

Чем же ты занимался
большую часть жизни —
сочетал слова?
Да, кивну, сочетал.
А зачем? — спросит он.
И, не дождавшись ответа:
Может, казалось,
они что-то в тебе сочетают
с тем, что вне?
А вернее, готовят...
И что именно в этом был путь —
в приращении непониманья?
В посвящении в близость?
В утрате всего, чем ты был,
что так ждал, —
языка?

† † †

Молчи. Тебе не скрыться. Никто себе.
Ты там, где нет собратьев и не будет.
Где жизнь тебя целует, бьёт по губам и снова
губы пьёт. Не называя, уводя:
ты только солнцепёк для змей, их свадеб.
Скажи ещё: ты — солончак для слов,
их языков шершавых.
Целует, пьёт, и нет ответа.
И зрение, как под руки, уводит.
Скажи ещё: нет морфологии в любви,
лишь синтаксис... Пиши-пиши,
ты там уже, где нечитаем,
как воздух. И пьёт, и нет ответа.
Ты слово в женщине искал,
и женщин добывал из слов...
Скажи ещё: они, как нефть, взметались.
И бьёт наотмашь, льнёт,
как прокажённый к прокажённому.
И никого на свете.
Ты будешь долго умирать, не в людях.

† † †

Я у тебя всё отняла, говорит.
Расчёсывается,
поглядывает через зеркало,
шпилька во рту.
А я лежу,
смотрю над собой, как в дыру
сознания,
но чувственную.
Всё, говорит.
Не будем перечислять, да?
Просто жизнь.
Поглядывает украдкой.
Как, мол?
А я лежу,
гощу в её домике.
Какая уж там близость —
дальше некуда.
О, говорит без голоса,
губы колечком, подкрашивает.
Нога на ногу,
а сама — за тридевять.
Не так уж ты одинок,
если вспомнить о мёртвых.
Ну а то, что ты никому не нужен, —
значит, мы хорошо продвинулись.
А на что ж ты рассчитывал
при таких отношениях?
Оборачивается.
Ты ж всего себя посвятил мне,
так сказать — «душу продал».
Улыбается.
Тем и дóрог.

Да и я к тебе... не без взаимности.
Детки, странствия, то да сё...
Все эти порождения
индивидуальных миров —
ну, как водится.
Пойду, говорит, к людям.
Не отчаивайся.
Обернулась в дверях:
это было забываемо.

Книжный проект журнала ВОЗДУХ

Вениамин БЛАЖЕННЫЙ. Моими очами • Александр СКИДАН. Красное смещение • Гали-Дана ЗИНГЕР. Часть це • Александр ОЖИГАНОВ. Ящери-речь • Галина ЕРМОШИНА. Круги речи • Сергей МОРЕЙНО. Там где • Полина БАРСКОВА. Бразильские сцены • Андрей СЕН-СЕНЬКОВ. Дырочки сопротивляются • Алексей КУБРИК. Древесного цвета • Виктор ПОЛЕЩУК. Мера личности • Александр БЕЛЯКОВ. Бесследные марши • Валерий НУГАТОВ. Фриланс • Игорь БУЛАТОВСКИЙ. Карантин • Константин КРАВЦОВ. Парастас • Мара МАЛАНОВА. Просторечие • Елена СУНЦОВА. Давай поженимся • Бахыт КЕНЖЕЕВ. Вдали мерцает город Галич • Андрей ТАВРОВ. Самурай • Валерий ЗЕМСКИХ. Хвост змеи • Данила ДАВЫДОВ. Сегодня, нет, вчера • Игорь ЖУКОВ. Язык Пантагрюэля • Егор КИРСАНОВ. Двадцать два несчастья • Фёдор СВАРОВСКИЙ. Все хотят быть роботами • Георгий ГЕННИС. Утро нового дня • Аркадий ШТЫПЕЛЬ. Стихи для голоса • Линор ГОРАЛИК. Подсекай, Петруша • Катя КАПОВИЧ. Свободные мили • Геннадий АЛЕКСЕЕВ. Ангел загадочный • Евгения РИЦ. Город большой. Голова болит • Сергей КРУГЛОВ. Зеркальце • Александр УЛАНОВ. Перемещения + • Янина ВИШНЕВСКАЯ. Начинается уже началось • Василий ЧЕПЕЛЕВ. Любовь «Свердловская» • Владимир АРИСТОВ. Месторождение • Татьяна ЩЕРБИНА. Побег смысла • Елена МИХАЙЛИК. Ни сном, ни облаком • Александр МЕСРОПЯН. Возле войны • Александр МЕЩЕРЯКОВ. Здесь был ледник • Геннадий КАНЕВСКИЙ. Небо для лётчиков • Виталий ЛЕХЦИЕР. Побочные действия • Зинаида БЫКОВА. Тихов государство • Леонид КОСТЮКОВ. Снег на щеке • Борис ХЕРСОНСКИЙ. Мраморный лист • Мария ГАЛИНА. На двух ногах • Николай КОНОНОВ. Пилот • Виктор КРИВУЛИН. Композиции • Илья КУКУЛИН. Бейдевинд • Настя ДЕНИСОВА. Вкл • Максим БОРОДИН. Свободный стих как ошибочная доктрина западной демократии • Виталий КАЛЬПИДИ. Контрафакт • Алексей ЦВЕТКОВ. Детектор смысла • Дмитрий ГРИГОРЬЕВ. Между играми • Алексей ВЕРНИЦКИЙ. Додержавинец • Наталья ГОРЬАНЕВСКАЯ. Штойто • Петя ПТАХ. БЯТЬЫ • Ирина ШОСТАКОВСКАЯ. Замечательные вещи • Николай БАЙТОВ. Резоны • Владимир КУЧЕРЯВКИН. В открытое окно • Наталия ЧЕРНЫХ. Из писем заложника • Павел ГОЛЬДИН. Чонгулек. Сонеты и песни. Тексты, написанные без ведома автора • Василий ЛОМАКИН. Последующие тексты • Василий БОРОДИН. Цирк «Ветер» • Арсений РОВИНСКИЙ. Ловцы жемчуга • Олег ЮРЬЕВ. О Родине • Пётр РАЗУМОВ. Управление телом • Дарья СУХОВЕЙ. Балтийское море • Андрей ЧЕРКАСОВ. Децентрализованное наблюдение • Станислав БЕЛЬСКИЙ. Птицы существуют • Владимир БОГОМЯКОВ. Стихи в дни Спиридонова поворота • Геннадий АЙГИ. Расположение счастья • Наталия АЗАРОВА. Раззавязывание • Артём ВЕРЛЕ. Хворост • Сергей СОЛОВЬЁВ. Любовь. Черновики

ЗАКАЗ КНИГ ПО ПОЧТЕ

<http://www.vavilon.ru/order/>
